УДК 81’’44:81

Таукчи Е.Ф.

АСПЕКТНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Проблема сочетаемости слов была и остаётся одной из основополагающих в лингвистической семантике. Она находит своё отражение в многообразии исследуемого материала и подходов к нему, в использовании различных методов изучения и описания языковых единиц разного уровня сложности. Так как лексическая сочетаемость представляет собой неоднородное и многогранное явление, предполагающее наличие нескольких аспектов и направлений исследования, то в этой статье предпринята попытка рассмотрения лишь некоторых возможных векторов её анализа.

Целый ряд учёных исследуют сочетаемость с учётом лексикографической ценности результатов разработки данной проблемы.

М.Д. Лесник, В.Н. Комиссаров, Л.Л. Введенская считают изучение совпадающей сочетаемости слов важным этапом в выявлении антонимической пары.[1] Перечисленные исследователи отмечают, что хотя бы относительное равенство комбинаторики[2] или, что то же самое, возможность хотя бы частичной взаимозамены в одном и том же контексте противоположным изменением смысла[3] является обязательным синтагматическим свойством антонимов.

Н.Г. Архипова не рассматривает подобное утверждение как абсолютно верное, так как в нем не учитывается специфика антонимов: противопоставленность их значений по денотативной соотнесенности. Наличие дифференциальной лексической сочетаемости многозначных антонимов, с ее точки зрения, – факт неоспоримый.[4] Более того: *“Если одно или оба слова (предположительно антонимы) многозначны, то в одном или нескольких значениях они могут иметь совпадающую сочетаемость. В тех же случаях, когда они антонимами не являются, они образуют сочетания, свойственные только одному из них и не характерные для другого. Следовательно, особенности* (…) *сочетаемости зависят от значений слов-антонимов”*.[5] Таким образом, каждое слово имеет свою собственную сферу сочетаемости, определяемую значением этого слова.

Рассматривая вопрос о соотношении значения той или иной лексической единицы с ее комбинаторикой, Н.Г. Архипова пытается

сформулировать систему понятий, относящихся к онтологической характеристике сочетаемости. Исследовательница приходит к следующему заключению: *“Значение слова должно быть представлено в словаре как в концептуальном содержании, так и в системной обусловленности. Другими словами, в словаре должно быть представлено значение как концепт, связанный знаком, и его языковой статус, то есть соотносительные несодержательные признаки значения, определяющие его место в системе языковых средств номинации. Основные статутные признаки значения лежат не только в плоскости парадигматических, но и синтагматических отношений”*.[6] Трудно не согласиться с подобным утверждением, поскольку сочетаемость слова можно трактовать как существенный элемент его значения, в пределах же изолированных лексических единиц смысловые отношения не выражаются. Подтверждением сказанного могут служить суждения А. Вежбицкой: *“Значение слов – это, грубо говоря, то, что мы «имеем в виду» или «держим в голове», когда произносим слова. А поскольку то, что мы «имеем в виду» может меняться в зависимости от контекста или ситуации, мы должны уточнить, что значение – это только постоянные, не меняющиеся условия употребления слов”*.[7]

Л.М. Васильев пишет: *“Слово в составе словосочетания как бы теряет в той или иной мере свой обобщающий характер, приобретая какое-либо конкретное значение (лексическое или грамматическое)”*.[8] Иначе говоря, сочетаемость и значение слова являются взаимозависимыми и взаимообусловленными свойствами в системе характеристик любой лексической единицы. При этом малейшие изменения одного из свойств ведут к немедленному изменению другого. Например, расширение области употребления синтагмы влечет за собой расширение ее значения;[9] слово, которое в прямом значении обладает достаточно широким спектром сочетаемости, приобретая переносное значение, во многом теряет свои комбинаторные способности[10] и т.п.

В целом, контекст, с одной стороны, *“актуализирует, интенсифицирует, дифференцирует семантическое содержание слова, его особенности и своеобразие”*,[11] а, с другой стороны, *“вектор категориально-семантической, лексико-семантической и синтаксической обусловленности словосочетания направлен от словозначений к их сочетаемости”*.[12]

Неослабевающий интерес к изучению лексической сочетаемости в лексикографических целях стимулировал появление словарей сочетаемости, то есть на наших глазах в лексикографии произошел крутой поворот, существенно изменивший представление о ней.[13]

Ю.Д. Апресян полагает, что одно из центральных мест в современной семантике занимает вопрос о различии между

лексическим значением слова и его сочетаемостью.[14] Подробно останавливаясь на правилах взаимодействия значений, Ю.Д. Апресян рассматривает различные концепции сложения смыслов и уделяет особое внимание концепции неаддедивности: *"Правила сложения смыслов дают не сумму смыслов, а новые смыслы."*[15] Ю.Д. Апресян, как видим, вслед за И.Е. Аничковым,[16] отстаивает идею семантического согласования компонентов любой синтагмы как обязательного условия ее существования.

В другой работе указанный автор предлагает объяснить разницу в значениях синонимов при помощи описания их сочетательных потенций.[17] Действительно, в некоторых случаях такой подход к решению проблемы дает свои результаты. Например, синонимы *surprise* = 'удивлять' и *amaze, astound* = 'изумлять, поражать'. Они различаются, в частности, по признаку **степени** чувства. Все три могут сочетаться с обстоятельствами **меры**, однако *surprise* сочетается с **любыми** обстоятельствами этого класса (*he was a little* [not a little, very much] ***surprised***, *he was* ***surprised*** *out of all measure*), а *amaze* и *astound* – только с теми, которые обозначают **сверхвысокую** или **определенную** степень свойства, состояния или чувства: *he was* ***amazed*** (***astounded***) *to such a degree that he could hardly talk.* По крайней мере необычны, если не абсолютно аномальны, словосочетания *he was a tiny bit* ***amazed***, *he was a little* ***astounded***. Очевидна природа этого запрета: *amaze* и *astound* сами по себе, без всяких дополнительных средств, выражают идею высокой степени, и усилить эту идею может только значение типа *сверхвысокий, чрезвычайный*.[18]

Но чаще всего факт несовпадения сочетаемости невозможно объяснить, опираясь только на различия в значениях. Анализируя особенности прилагательных *cold* и *cool* в качестве эквивалентов фразы *испытывающий холод*, Ю.Д. Апресян приходит к следующему выводу: *"Даже сочетаемостные различия могут быть семантически немотивированными.* (…) *Оба синонима сочетаются с названием существа или всего его тела в качестве субъекта состояния: I sat in the armchair feeling sick and* ***cold****; I'm perfectly* ***cool****, but open the window if you like. Однако только cold сочетается в рассматриваемом значении с названиями частей тела в качестве субъекта состояния: his fingers [toes] felt* ***cold,*** *но не his fingers [toes] felt cool – последняя фраза либо неправильна (относительно смысла 'его пальцам было холодно'), либо имеет другое значение (объективно холодного: 'его пальцы на ощупь были прохладны')".*[19] Как видно, Ю.Д. Апресян находит затруднительным объяснить подобные явления ссылкой на семантические причины.

Подобное утверждение представляется достаточно спорным.

Различия в характере лексической сочетаемости в первую очередь базируются на семантических особенностях слов, образующих синтагму. Английские прилагательные *cold* (холодный) и *cool* (прохладный) являются синонимами и могут характеризовать явления природы, отрезки времени, названия предметов и веществ, а также характер человека, интенсивность его проявления и состояния человека в данный момент. Однако сочетаемость этих прилагательных в большинстве случаев не совпадает. Выражение *cool chills* нельзя считать вполне корректным, хотя в некотором смысле оно передает нужное значение, и, вероятно, заключенная в нем мысль будет правильно интерпретирована коренными носителями английского языка, но сами они не употребляют его в речи и отдают предпочтение словосочетанию *cold chills* (‘мурашки по телу’): ***Cold chills*** *went down Mrs. Chester’s spine* (A. Christie).

Слово *cold* может указывать на температуру, вызывающую неприятные ощущения, его синоним *chill* обозначает пронизывающий холод, вызывающий дрожь и резко **неприятные** ощущения. Прилагательное *cool* отличается от своего синонима тем, что предполагает **нейтральное** или **приятное** свойство и передает значение свежести, бодрости. Следовательно, употребляя словосочетание *cool chills*, говорящий допускает смысловую ошибку.

Еще одним важным аспектом изучения комбинаторики лексем является исследование семантической сочетаемости отдельных частей речи.

В большинстве современных исследований семантических особенностей разных частей речи основным объектом рассмотрения являются средства минимального контекста, которые помогают дифференцировать семантическое своеобразие слова.

Так, В.Н. Убийко и И.С. Куликова занимаются анализом сочетаний, в которые вступают имена существительные. В.П. Бахтина, Г.Д. Гарипова, М.А. Глазман, Н.Д. Дмитриева, М.М. Копыленко, И.А. Маркова и др. посвящают свои изыскания глагольным сочетаниям.

Исследуя семантические валентности русских глаголов, Ю.Д. Апресян отмечает чрезвычайную важность знания не просто грамматической способности подчинять ту или иную форму, что свойственно глаголу как представителю определенного грамматического класса, а знания собственно семантических валентностей глагола, свойственных ему как определенной лексеме.[20]

Столь пристальное внимание к глаголу объясняется, по нашему мнению, тем, что именно глагол-предикат представляет собой смысловой и синтаксический центр предложения, он взаимодействует с наибольшим количеством единиц-конституентов любого предложения.

Но независимо от того, какая часть речи находится в фокусе внимания исследователей, основной мыслью в их работах, на наш взгляд, является следующая: *“Способность слова сочетаться с другими словами и формы проявления этой способности зависят не только от грамматических свойств данного слова* (…)*, но и от лексического значения”*.[21]

Несмотря на то, что лексическая сочетаемость предполагает соединение отдельных слов, а грамматическая задает сочетания лексем на уровнях словоформ, частей речи, членов предложения, между ними не существует непреодолимой преграды. М.М. Копыленко и З.Д. Попова подчеркивают, что изучаемые в синтаксисе структурные схемы представляют собой разные степени абстрагирования грамматических свойств лексем, образующих связанные сочетания слов.[22]

Сходную мысль высказывает и Т.В. Преображенская: *“…исследование сочетаемости номинативных единиц не может полностью абстрагироваться от тех синтаксических позиций, наполнением которых они служат. Закономерности сочетаний какого-либо слова с другими лексическими единицами в речи обусловливаются возможностью его употребления с несколькими однотипно с ними связанными (занимающими определенную синтаксическую позицию) распространителями его значения (словами, модифицирующими номинацию)”*.[23]

А.П. Загнитко утверждает, что *“саме синтаксична конструкція відображає особливості семантичної і синтаксичної валентності певних лексем, спрямованих на реалізацію семантико-синтаксичних потенцій відповідної лексеми”*.[24]

Следовательно, комплексное представление о сочетаемости может быть итогом описания лексического и синтаксического аспектов данного лингвистического феномена. Необходимо лишь установить, в чем заключаются различия между ними.

Д.Н. Шмелев, Н.З. Котелова, Ю.А. Гвоздарев, Е.Н. Толикина, Е.В. Рахилина, А.А. Зарайский, М.Д. Степанова, С.Л. Иванова, К.А. Казенин и многие другие полагают, что лексическая сочетаемость обусловлена определенными правилами и закономерностями сугубо лингвистического характера. Ученые, придерживающиеся этого мнения, пытаются прежде всего выяснить характер ограничений, накладываемых языком на объединение тех или иных слов в синтагму, а также выявить внутрисистемные законы, объясняющие причины, по которым слова соединяются друг с другом.

По утверждению М.Д. Степановой, *“слова (и части речи) всегда соединяются в конкретном речевом акте, в предложении с*

определенными «партнерами» и не употребляются изолированно. Их сочетаемостные потенции с определенными партнерами и в определенном окружении не случайны и не полностью произвольны: они подчиняются особым закономерностям".[25] Однако указанный автор, не пытаясь выявить и сформулировать какие-либо закономерности в данной сфере, сводит все свои объяснения сущности комбинирования одной единицы языка с другой к понятию валентности в самом общем смысле.[26] Иначе говоря, М.Д. Степанова не проводит четкой грани между лексическими и грамматическими явлениями, из-за чего ее трактовка сочетаемости как лингвистического явления звучит не вполне определенно. Понятие *"валентность"* в современной лингвистике понимается достаточно широко, и к тому же среди исследователей не существует полного единства во взглядах на этот феномен. Следовательно, данный термин не может быть использован при описании характера сочетаемости на уровне лексики.

В некоторых своих работах С.Л. Иванова и К.И. Казенин выстраивают интересную схему сложения значений и предлагают *"правила, устанавливающие, как значения сложных языковых единиц – словосочетаний, предложений и т.д. – складываются из более простых"*,[27] а также рассматривают коммуникативные ограничения, накладываемые на этот процесс. С их точки зрения, наиболее простые запреты на сочетаемость связаны с делением смысла на ассерцию и пресуппозицию (*"ассерцией называется тот компонент смысла лексемы, который регулярно входит в сферу действия присоединяемого к этой лексеме отрицания вне контекстов конкретного противопоставления.* (…) *Ассертивный компонент* (…) *несет в себе наиболее актуальную, важную часть передаваемого сообщения, тогда как пресуппозицию обычно формирует подразумеваемая или известная слушающему информация"*[28]).

При этом авторы указанной работы не могут не согласиться с тем, что прагматические правила, регулирующие лексическую сочетаемость, не способны полностью заменить собой собственно семантические объяснения комбинаторных ограничений. Следовательно, адекватное описание сочетаемости, по их мнению, может быть построено лишь на основе взаимодействия этих двух групп правил.[29]

На наш взгляд, подобное утверждение вполне соответствует действительности. Семантическая сочетаемость компонентов синтагмы представляет собой не что иное, как базис функционирования языка в синтагматическом аспекте. Однако, например, Н.Д. Кручинкина утверждает, что границы семантической сочетаемости колеблются между нормой и аномалиями: *"Норма, симметричная логическому согласованию референтов, не представляет трудностей, так как это*

согласование базируется на логических отношениях, универсальных для языков с одинаковым экстралингвистическим субстратом: между предметами и их характеристиками, предметами и их отношениями. Семантическая сочетаемость лексически связанных лексем в каждом языке уже представляет наряду с общими и специфические проблемы".[30]

Нельзя не заметить, что Н.Д. Кручинкина пытается найти некий компромисс между предметно-логическим обоснованием характера лексической сочетаемости и обусловленностью комбинаторных возможностей слов сугубо лингвистическими факторами и законами. К сожалению, такой компромисс невозможен. Лексически связанные синтагмы, которые автор рассматриваемой статьи называет *"аномалией"*, встречаются в языке не в виде отдельных исключительных образцов, а представляют собой тот самый строительный материал, из которого создаются абсолютно все высказывания на любом языке. Иначе говоря, именно такие лингвистически обусловленные семантические связи между словами являются нормой для языка. Отклонениями и аномалиями, с нашей точки зрения, следует считать случаи семантического рассогласования, ведущие к запрету на соединение тех или иных лексических единиц в синтагму.

М.М. Копыленко и З.Д. Попова построили свое исследование сочетаемости на типологии семем, или разграничении денотативных и коннотативных значений.[31] Такое деление, по мнению Н.Г. Архиповой, в какой-то мере соотносительно с признанием, с одной стороны, сочетаемости, регулируемой предметно-логическими связями реальной действительности, а с другой – сочетаемости, обусловленной определенными правилами и закономерностями соединения слов, существующими в структуре языка.[32] Очевидно, что предметно-логическое толкование комбинаторных ограничений является слабой стороной в изысканиях указанных авторов.

Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ допускают ту же самую ошибку, пытаясь истолковать свободную сочетаемость как явление, в основе которого лежит логическая мотивация (*поставить стол, шкаф*), а несвободную комбинаторику относят к сфере сублогической отнесенности (*поставить вопрос*).[33] Причины столь неверного понимания характера сочетаемости, на наш взгляд, очевидны. По большому счету, в языке не существует свободных словосочетаний и, следовательно, предметно-логическая мотивированность синтагмы *поставить шкаф* и подобных ей – не более, чем иллюзия. Идея обусловленности сочетаний слов, впервые высказанная И.Е. Аничковым (см. выше), была использована в работах ряда современных лингвистов

в качестве декларативной основы для изысканий в области сопоставительной комбинаторики.

Л.В. Емельянова отметила, в частности, что построение синтаксической конструкции зависит от семантики слов, входящих в ее состав.[34]

Д.Г. Ищук утверждает, что круг синтагматической сочетаемости слова ограничен.[35] Е.В. Рахилина принимает несвободную сочетаемость глаголов за аксиому и утверждает, что и конструкции, включающие в себя предметные имена, также несвободны: *"Любые именные конструкции: атрибутивные, посессивные, генитивные, с любым семантическим наполнением имеют достаточно жесткие ограничения, связанные с семантикой имени. Даже грамматические формы имен – в плане семантической интерпретации – оказываются зависимыми от семантики лексемы, то есть ни в коем случае не свободны, а в большей или меньшей степени лексикализованы"*.[36] Следовательно, *"свободная сочетаемость является мифом. В этих сочетаниях все-таки содержится информация, релевантная для семантического описания имени"*.[37]

Зоны адъективных конструкций с качественными прилагательными цвета и размера традиционно считались в лингвистике свободными. Однако именно в них Е.В. Рахилина обнаруживает *"существенные ограничения и достаточно строгие правила, задающие границы сочетаемости"*.[38]

О.В. Яковенко представляет решение данного вопроса несколько иначе, описывая сочетаемость имени существительного с артиклем или притяжательным местоимением и утверждая, что процесс коммуникации основывается на некоторой базе знаний, в состав которой входит указанная языковая и неязыковая информация. Оперирование этой базой, по мнению названного автора, составляет когнитивную модель обработки сообщения, то есть процесс актуализации понятий происходит на базе внеязыковых знаний, на чем, собственно, и происходит выбор детерминатива, с помощью которого на поверхностном уровне осуществляется актуализация.[39]

Действительно, выбирая артикль, придающий существительному значение определенности или неопределенности, нельзя сбрасывать со счетов знания об окружающей обстановке, событиях и состояниях. Другими словами, грамматический аспект сочетаемости требует привлечения как лингвистической, так и экстралингвистической информации. При этом чем бледнее лексическое наполнение соединяемых единиц, тем значительнее объем внеязыковых знаний (как в случае с артиклем, лишенным лексического значения). Но по мере возрастания удельного веса лексического наполнения компонентов

сочетания (как в примерах Е.В. Рахилиной: атрибутивные, посессивные, генетивные конструкции) внеязыковые знания постепенно уходят на второй план, уступая место лингвистическим факторам. В случаях соединения слов, а не словоформ, роль внеязыковой базы знаний практически сводится к нулю. Между тем, вслед за А. Вержбицкой, Е.В. Рахилина защищает точку зрения, согласно которой языковое поведение лексики всегда мотивировано, так что задачей лингвиста является не просто фиксация существующих запретов и предпочтений, но и их объяснение.[40]

Подобные суждения можно встретить и в работах А.А. Зарайского, М.П. Кочергана, Е.В. Земсковой и др.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основные направления в анализе комбинаторики лексических единиц. При этом было показано, что исследования лингвистов далеко не исчерпывают проблематику изучения данного лингвистического феномена во всей полноте его проявлений. Отсюда вытекает вывод, что решение проблем теоретического исследования и практического описания сочетаемости языковых единиц требует совершенствования теоретической базы, методов и приемов научных изысканий.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Введенская Л.А. Сочетаемость антонимов в русском языке // Учёные записки Курского педагогического института. – Т. 7. – Вып. 3. – 1970. – С. 182-184.
2. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима: О соотношении логического и языкового в семасиологии // Вопросы языкознания. – М., 1957. – № 2. – С. 49-58.
3. Лесник М.Д. Об антонимичности прилагательных “большой”, “малый”, “маленький” и сфере их употребления // Учёные записки ЛГУ. – № 161: Серия филологические науки. – Вып. 18. – Л., 1952. – С. 91-96.
4. Архипова Н.Г. О роли сочетаемости в разграничении лексических антонимов // Вестник Амурского государственного университета: Гуманитарные науки. – Вып. 12. – Благовещенск, 2001. – С. 65.
5. Там же, с. 66.
6. Архипова Н.Г. Аспектное изучение сочетаемости слова в лексикографических целях // Там же, вып. 14, с. 44.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 243.
8. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 44.
9. Юминова А. Развитие семантики идиом семантического поля “смерть” в современном русском языке // Русская филология. – № 11. – Тарту, 2000. – С. 211.
10. Блохина Н.Г. Коммуникативно-прагматические механизмы формирования фразеологического значения // Коммуникативно-прагматическая семантика. – Волгоград, 2000. – С. 54.

11. Кудреватых Л.П. Семантические валентности словозначений // Вопросы романо-германской филологии. – Киров, 2000. – С. 58.
12. Там же, с. 61.
13. Апресян Ю.Д. О работах И.Е. Аничкова по идиоматике // Вопросы языкознания. – 1989. – № 6. – С. 106.
14. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 61.
15. Там же, с. 79.
16. Аничков И.Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Труды по языкознанию. – СПб: Наука, 1997. – 511 с.
17. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 2000. – С. 542.
18. Там же, с. 541.
19. Там же, с. 542.
20. См. сн 14, с. 127.
21. Макарова И.А. Проявление лексико-грамматических и культурологических факторов в сочетаемости глаголов речи // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000. – С. 190.
22. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (Фразеология в системе языка). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – С. 148.
23. Преображенская Т.В. К вопросу о методике изучения лексической сочетаемости в литературном арабском языке // Вестник Московского университета. – Серия 13: Востоковедение. – М., 1989. – № 3. – С. 51.
24. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови: Синтаксис. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – С. 89.
25. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 138.
26. Степанова М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике // Иностранный язык в школе. – 1973. – № 6. – С. 12.
27. Иванова С.Л., Казенин К.И. О коммуникативных ограничениях на взаимодействие значений лексем // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 98.
28. Там же, с. 98.
29. Там же, с. 103.
30. Кручинкина Н.Д. Варианты семантической сочетаемости конституентов пропозитивной синтагмы // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальность. – Саранск, 2000. – С. 330.
31. См. сн. 22, с. 70-75.
32. См. сн. 6, с. 42.
33. Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты “жизнь” и “смерть” как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 55.
34. Емельянова Л.В. О зависимости синтаксического устройства сочетаемостных конструкций от семантики их компонентов // Слово и фразеология в русском литературном языке и народных говорах. – Великий Новгород, 2001. – С. 48.
35. Ищук Д.Г. Свободные и устойчивые синтагматические связи лексико-семантического поля времени // Образование в России: перспективы и реальность. – СПб, 2001. – С. 192.
36. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: от сочетаемости к семантике: Автореф. дисс. … д. филол. н. / Ин-т языкознания РАН. – М., 1999. – С. 5.

37. Там же, с. 7.
38. Там же, с. 36.
39. Яковенко О.В. Сочетаемость детерминативов в английском языке // Актуальные вопросы английской филологии. – Пятигорск, 2001. – С. 184.
40. См. сн. 36, с. 5.